

Постоянные читатели рубрики "Созидающие", конечно, знают, что люди, с которыми я беседую, мне дороги, интересны и в жизни моей не случайны. С одними связывают годы тесного общения, с другими судьба и работа свели лишь в последнее время, но все мы единомышленники. И все-таки сегодняшняя встреча — особенная. В дорогом мне городе Пскове я беседую, можно сказать, с должностным лицом моих друзей. Ведь нашей первой с Валентином Яковлевичем Курбатовым встрече перешагнуло на пятый десяток.

Я познакомился с Валентином, когда только начал ездить в Псков заниматься реставрацией. Будучи любознательным и дотошным, в провинции я тесно общался с журналистами местных комсомольских газет. Сегодня можно махнуть рукой, сказать: "Э, да что там, комсомольские газеты?". Нет, не "да что". Недаром мимо этих газет не прошли ни Виктор Петрович Астафьев, ни Валентин Григорьевич Распутин, ни Василий Иванович Белов. Где было тогда печататься? В этих же газетах. Тут закладывались духовные основы нашего существования. Тут многие пробовали свое перо. До сих пор с благодарностью вспоминаю замечательный, дававший фору любой столичной газете карельский "Комсомолец". В течение нескольких лет я вел на его страницах рубрику "Шедьеры мирового искусства", в которой рассказывал не только о русских художниках, но и о Нефертити, египетских пирамидах, о Вернере Милославской, Джоконде. Сначала, правда, были сомнения: нужно ли, кто читать будет? Но когда спросил главного редактора Сашу Валентина, он так и вскрикнул: "Да ты что?! Мы письма получаем из Костомукши, из Лахденпохьи, отовсюду. Пишут, что интересно". Попробуйте представить подобную рубрику в сегодняшней прессе. Я как-то попросил свою подругу, художницу Тамару Юфу, прислать мне все петрозаводские газеты за пару дней. Клянусь, нашел там одну-единственную замечательную выставку. Остальное — объявление, секс, бандитизм. Как говорится, глазу отдохнуть не на чем...

Очень ярки были и "Вологодский комсомолец" — он объединял вокруг себя всю писательскую и поэтическую братию — и выходивший во Пскове "Молодой ле-

нинец". В этой газете, которую шуточно называли "Молодым ленинцем", судьба и свела меня с ее сотрудником Валентином Курбатовым. Но общались мы, конечно, не только в редакции.

Сейчас, бывая в Пскове, я не могу не перекреститься не только на саму церковь Успения с Пароменья, но и на ее звонницу. Потому что если говорят о "лицейском братстве", то в Пскове таким "лицеем" была звонница — мастерская Всеволода Петровича Смирнова. Пожалуй, не назову другого такого места в своей жизни, где бы я повстречал столько людей со всей России. Всеволоду Петровичу за это низкий поклон. Человек он был, можно сказать, бравурный, внешне громкий, эффектный. Но при этом вы чувствовали в нем глубину — глубину мастера, реставратора, художника, кузнеца. Это был человек-глыба, и, конечно, к нему тянулись. Разносолов в гостеприимной мастерской не было, но накормить там могли всякого и всегда. Ну а уж если не понравилось, оставляли голодным. И вот в этой звоннице мы с Валентином Яковлевичем много общались. Я рад, что сошлись наши пути и в древлехранилище Леонида Алексеевича Творогова. Позже, когда я стал делать на телевидении передачи о любимом своем городе, Валентин Яковлевич откликнулся на все наши замыслы отнюдь не как сторонний человек. Я не мыслил себе, чтобы в передаче о Пскове Валентин не высказал своих замечаний, своего мнения о том или ином вопросе, который мы решали. А решали мы, естественно, вопросы сохранения культурного наследия.

Постепенно на моих глазах Валентин Яковлевич становился литературным критиком милостью Божьей. Племя критиков любит ругать, и часто ругают за дело. Но я знаю, как относится Валентин к своей профессии — для него это потребность души, потребность общаться с людьми, с миром. Он никогда не пройдет мимо яркого явления жизни и всегда имеет о нем свое мнение. Будь то явление высокое — как Виктор Петрович Астафьев, Валентин Григорьевич Распутин, Евгений Иванович Носов — или мало кому известный талант из Пскова, любого другого уголка русской провинции. Можно с Курбатовым соглашаться или не соглашаться, но всегда это

порыв. Поражаюсь, что юношеский порыв, юношеское отношение к любимому делу Валя сохранил по сей день. Сменю надеяться, что в этом мы с ним близки. Поэтому что, хотя иногда и спохватишься: Боже, ведь уже 65 лет, а все равно бежишь дальше.

И еще одно качество Валентина очень меня привлекало с первых же лет нашего знакомства — серьезное отношение к эпистолярному жанру. Его письма, особенно те, которые я получал в годы моей болезни, действительно, помогали мне жить. Неудивительно, что изданная Геннадием Сапроновым в Иркутске переписка Курбатова с Виктором Петровичем Астафьевым стала существенным дополнением к творчеству писателя. Это весомый вклад в русскую литературу. Мечтаю увидеть опубликованной и переписку Валентина с Семеном Степановичем Гейченко. Семен Степанович, показывая мне эти подборки писем, в самых пухлых папках сказал: "Вот, лорд Курбатов. Здесь больше всего писем".

Кому-то, и таких немало, некоторые суждения Валентина кажутся слишком необычными, неверными. Знаю, что его не приемлют многие из так называемых патриотов. Но у меня к этой братии свое отношение. Сегодня, когда разрешено служить в церкви, свободно креститься, очень многие прежние атеисты, причем атеисты активные, побежали вперед толги. Это поражает. Ведь этим людям столько надо каяться, а они улетят нас, как надо верить, как надо молиться. Иногда честно говоря, смешно становится. Но вообще-то даже и жутковато. Сказано в Евангелии: "Последние да будут первыми". Но если ты стремишься к первым, а у тебя грехи — ты должен их отмаливать, а не учить людей, которые не боялись верить в то, атеистическое время.

Как только открылась возможность припасть к вере и окормляться свободно, мы начали с помощью телевидения ставить вопросы восстановления псковских церквей, создания общин. Валентин тогда сыграл колоссальную роль в возрождении одного из древнейших псковских храмов — очень мною любимом соборе Рождества Иоанна Предтечи. И совет возглавлял, и старостой был в самое тя-

желое время: храм ведь получили заброшенный, пустой абсолютно. Но эти заботы не мешали моему другу в течение многих лет, без денег, все на том же порыве, вести в Пскове Религиозно-философское общество святых Кирилла и Мефодия, и регулярно ездить в Овсянку к Виктору Петровичу Астафьеву на такие важные для нашей духовности "Литературные встречи в русской провинции".

С годами жизнь Валентина не оскудевает, а напротив, обогащается все новыми делами. Он — организатор и ведущий писательских "круглых столов" в Ясной Поляне, постоянный участник кинофестиваля "Золотой витязь", член жюри фестиваля документальных фильмов "Послание к человеку". Он постоянно в действии, и мне это очень и очень нравится. Потому что, еще раз повторю, я сам человек заводной, человек действия. Может быть, я тоже с Валентином в чем-то не согласен. У меня отношения с людьми строятся по крайним точкам: ты с нами или ты без нас. Валентин Яковлевич иначе — он такого иногда приведет или перекомандует... Сначала русским его назовут, потом православным, а в итоге окажется, что тот ни Богу свечка, ни черту кочерга...

И, конечно, нас с Валентином связывает общая любовь и общая боль — наш Псков. Сейчас в нем старожилов осталось, по сути, двое. Старожил местный — Валентин Яковлевич. И столичная такая... Нет, залетной птичкой меня никак не назови, я здесь иногда живу поболее, чем в Москве. Словом, есть два старжила, для которых прошлые годы 1100-летие Пскова что-то да значит. Вообще-то, юбилей этот Псков не имел права праздновать. Я недавно журналистка одной псковской газеты сказала: "Спросите людей, ответственных за судьбу памятников Пскова, его культурного наследия — ответственных за сам город. Если у них дома не работает канализация, протекает крыша, нечем покрывать кроват, нет хлеба — позовут они себе гостей?" Если и позовут, к ним никто не придет. А тут устраивают пир в городе, где гниют реки, валяются трухлявые деревья, разрушаются храмы, где новые русские и новые законодательные рауты строятся рядом с церковью Богоявления в Запсковье, с Кремлем элитные дома и гос-

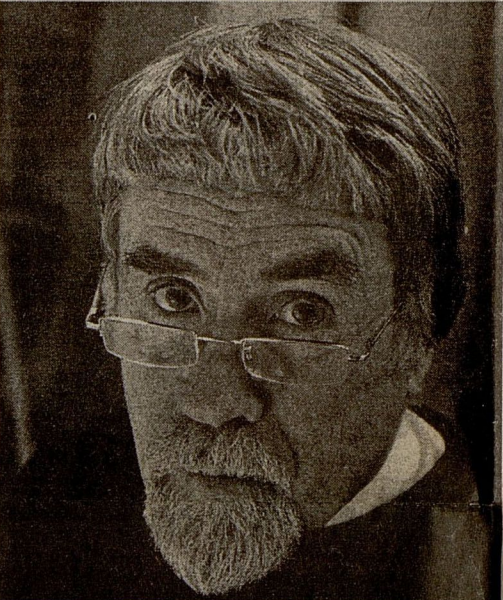
Савва ЯМЩИКОВ

Созидающие

тинницу, которая поглотит Гремячую башню и церковь Космы и Дамиана. Какой юбилей? Какие памятники? Да хоть сто памятников Ольге поставьте, город от этого не получится.

Нет, не получается у этих людей, пусть по капле, но выдавливать из себя рабов. Вот идут торжества, и ни на одно из них у нас с Валентином Яковлевичем пригласительных билетов нет. На темirkanовский концерт, куда все получили приглашения, Валентину как бы протыриваться пришлось. Но так случилось, что на вернисаже нашего старого друга Петра Павловича Осовского, передававшего картины Пскову, присутствовала делегация Государственной думы. И вдруг Геннадий Селезнев обнимает меня как старого приятеля по "Комсомолке", которую он возглавлял в восьмидесятые годы. Местное культурное начальство сразу засуетилось. Я тогда сказал губернатору: "Если у меня на столе лежит пригласительный билет — значит, обо мне не забыли. Дело же не в мероприятии юбилейном, а в памяти, уважении". Мы выросли в то время, когда умели ценить авторитет, каким бы сложным характером он ни обладал. Сложнейший характер был у Павла Дмитриевича Корина, у Виктора Никитича Лазарева. Но чтобы мы, начиная какую-то работу, не обратились за советом и поддержкой к старшим, к учителям? Мы бы тогда ничего не достигли. А сейчас считается: ну живет и живет чокерьякая старая. Что ж, мы люди, как говорится, не гордые. И я очень рад, что Валентин Яковлевич тоже серьезного внимания на это не обращает, а делает, делает и делает свое дело.

Валентин КУРБАТОВ: «СОХРАНИТЬ РОССИЮ В ЧИСТОТЕ»

Савва ЯМЩИКОВ. Валентин, я опять же задаю вопрос, которым начинаю все эти беседы. Что ты, оставаясь наедине с самим собой, со своими мыслями, выделяешь в прожитых годах как самое главное для себя? Что принес в этот мир?

Валентин КУРБАТОВ. Вопрос, конечно, нештучный. Редко, кто на него сегодня отвечает. Потому что его страшно задавать. Страшно, когда заканчивается жизнь, и ты вдруг видишь, что оставляешь мир хуже, чем тот, который нашел, входя в него и сознательно принимая его. Это, конечно, очень мучит и тревожит. И стараешься уклониться от этого вопроса, стараешься удержаться, чтобы вместе со всем обществом, вместе с твоей несчастной сегодня Россией скротать день. Как говорил дедушка одного известного политического деятеля: ночь простоять, да день продержаться. Это от внутреннего испуга, от слишком высокой нравственной требовательности. Естественно, на пороге своего 65-летия приходится обо всем этом размышлять.

Отгадываясь, я думаю, что, наверное, всякий человек, какую эпоху ни возьми в конце концов говорит, что он жил в златом веке. Ему, естественно, не верят: "С ума сошел! У тебя же тоталитарный режим со всех сторон. У тебя там и Сталин, детство и юность твои. И Никита Сергеевич Хрущев, который, может быть, освободил от Сталина, но загорюдил тебе дорогу в Церковь. А потом застойные времена. И ты еще плетешься про золотой век!" Но это твоя жизнь — единственная, Богом тебе дана. И ты в ней должен жить с достоинством и внутренней чистотой. И постараться устоять, не думая о том, а какое время живешь. Тебе же не объявляют, что на дворе застой, что на дворе тоталитарный режим. Ты живешь в обыкновенной человеческой жизни, а она всегда одинакова. При всех тоталитарных режимах, воеки человек — Господне создание, и Суд у него по-настоящему один. Он перед Небом, перед Господом отвечает. Жилось как жилось, условно говоря.

Вот ты, Савва, напомнил о товарищах наших. Всеволод Петрович Смирнов, Леонид Алексеевич Творогов, Борис Степанович Скобелев — они ведь тоже об этом много не говорили. Не о страданиях, не о погнаних говорили замечательные, великие люди. Они делялись, что делили, и делили это сильно, мощно, собранно, удерживая то лучшее, что сегодня с таким хищным бесстыдством уничтожают молодые люди, пришедшие в общество на дармовщинку. Как будто миновавшее время было тьмой египетской и не было за ним ровно ничего. Там было все. Там были начала и концы, там была литература, которой просто не должно было быть. Выспал товарищ Ленин парход, и казалось, с ним все кончено и здесь ничего не осталось. Однако появляется — жизнь сама по себе милосердна — появляется совершенно ослепительный Платонов, появляется Булгаков, появляется Шолохов. Появляется Твардовский. Появляется, наконец, блистательная деревенская школа. А Виктор Петрович Астафьев?

Весь XX век, казалось, прошел под гнетом всеобщего истребления — гражданской войны, коллективизаций, 37-м годом, чудовищной войны, послвоенным голодом. Но ничего нигде не делось, потому что человек был целен, он имел действительно высокую христианскую заковку. Мы уже сделались атеистическим государством, но внутренне не утратили правильного христианского понимания мира. И потому товарищ Сталин обратился 3 июля 41-го года к "Братьям и сестрам" — он понимал, перед чем стоит. И народ отозвался сразу, как брат и сестры, и мы стали братьями и сестрами. Конечно, жили и тяжело, и мучительно, и по-всякому. Жили в коммуналах, в бараках, Бог знает где. Но жизнь, как ни странно, была скреплена радостным чувством соседства, как в родной целостности. В страданиях мы были

крепче и внутренне собраннее, чем сейчас, когда каждому была обещана господином Горбачевым отдельная квартира. Но, разбежавшись по отдельным квартирам, мы избежали из народа. Понятие "народ" сегодня, может быть, самое мучительное из понятий. Раньше ты мог представить, что это. Ты видел мучающееся и погибающее крестьянство, видел работающих на фабриках и заводах мужиков. Ты видел, что держит народ. Теперь, когда мы поделились на продавцов в ларьках и покупателей, стоящих по другую сторону прилавка, кажется, вся страна только этим и занимается.

То же с литературой, о которой я все время твержу и от которой нигде не могу деться. Она не может написать великого характера, потому что не имеет перед собой великого примера. Если обществу не нравится сегодняшняя литература, оно должно в зеркало поглядеть. Оно само расточилось и истлело, оно не дает литературе повода написать бессмертного человека. И самое, может быть, стыдное за все эти годы — чувствовать, что ты живешь цитатой из каких-то уже написанных текстов. Читая "стариков", с ужасом думаешь: Господи, неужели история все так же крутится и крутится, и ты уже однажды жил и опять повторяешь старые ошибки? И время точно так же в России крутится и крутится?

Перед нашей встречей я заглянул в любимого Василия Васильевича Розанова. Он всегда посадит на должное место — такой холодный душ, который исполнит твою слишком запоздалую мысль. Так вот что он пишет в августе 1918 года. Это же можно сегодня в любой газете напечатать. Естественно, не в такой, как "Коммерсант-Дейли" или "Коммерсант-Денги" — а скажем, в "Советской России", хорошей, сильной патристической газете.

"Россия пуста. Боже, Россия пуста. Продажи, продажи, продажи. Государственная дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостную рабаю. Она вообще продала все, что у нее купили. И что поразительно: она нисколько себя не считает виновною, и "кающегося дворянина" в ней нет <...> Единственный в мире парламент. Как эти Чичиковы ездил в тогда в Лондон. Да и вообще они много ездили и много говорили. "Нашей паве хочется везде показаться". И "как нас принимали", — говорили они.

И okazилось правы одни славянофилы. Один Катков, один Леонтьев". Сегодня этих имен по-прежнему произносить нельзя. Нельзя называть Каткова, нельзя называть Суворина, Леонтьева, Меньшикова. Ты можешь прослыть мракобесом. Но правда по-прежнему за ними, правда в их, внешне жестком, отношении ко всем этим демократическим режимам. Они понимали, что демократия ищет усредненности. Блок замечательно сказал: "Я художник, поэтому я не либерал".

И вот Леонтьев говорил: "Россия — не юность. Она старушонка. Ей уже 1000 лет. А дальше тысячи лет редкое царство переживало. Поразительно, что во время революции эти течения нашей умственности не были даже вспомнены. Как будто их никогда даже не существовало. Социалисты и инородцы единственно действовали. А что же русские? Досыпала "сон Обломова", сидели "на дне" Максима Горького. И везде рассыпавшиеся Чичиковы". Мы сейчас, если взглянуть, не досыпаем ли "сон Обломова"? Вроде иногда с невым паническим восклицанием, что скопало же можно? Но ведь, как кажется, только в словах, из-за чего я время от времени раздражаюсь нашей патристическое движение. Потому что оно так и кажется порывистым выкрикиванием слов, за ним нет ни основательности Хомякова, Каткова, Суворина. За ними нет деятельного движения. Вот это, конечно, почти уравнивает их с господами демократами, которые столь же го-

ворливы и красноречивы. А Россия, меж тем, пуста, по-прежнему опереться в ней не на что. И это, может быть, самое страдательное и самое мучительное.

Мучит и то, что виноватых мы все время ищем не там, ищем на стороне, не глядяывая в себя, не вслушиваясь в собственное сердце. Еще вчера поливаемые нами белогвардейцы ныне заняли место красновардейцев. А те раз и навсегда объявлены убийцами и негодяями. И блеев зная уже реет на месте красного, хотя эти знамена друг с другом объяслись так, что

Белый был — красным стал. Кровь обазрила. Красным был — белый стал: Смерть побелила.

Цветавва это прекрасно понимала. И оттого-то у нас, мне кажется, не получается сегодня ничего. Стараемся друг друга словом "стабилизация", утешаем, радуем, но за словом мало что стоит. Просто попытка скрыться от настоящих вопросов. А старики это понимали, и мне бы хотелось напомнить забытое стихотворение Игоря Северянина. Не один "ананасы в шампанском" пел этот дивный поэт. Уже в эмиграции, рядышком, а уже под Печерами, в двадцать девятом году он написал неслыханной красоты и до сих пор не услышанное русским сердцем стихотворение. Называется оно "Народный суд".

Я чувствую, близится судное время: Безуделье и духом своим победим, И в сердце России пред странами всеми Народом народ будет грозно судим.

И спросит избранныки — русские люди — У всех обаяющих русских людей: За что умерли вы, вы в самоубийство? Цвет яркой культуры отпизны своей.

Зачем православные Бога забыли, Зачем шли на брату, рубя и разя, И скажут они: "Мы обмануты были, Мы верили в то, во что верить нельзя..."

И судьи умолкнут в печально любовной, Поверия себя в неизбежный черед, И спросит: "Но кто же зачинщик виновный?" И будет ответ: "Винаюет весь народ, Он думал о счастье отпизны родимой..."

О чем же думали в революции самые пламенные ищем счастья и модели экономики. По-прежнему пытаемся построить русское общество под цивилизованное, не замечая того, что мы — другие. За нами стоят Леонтьев, стоит Катков, стоит, простите, Суворин. За нами — Хомяков и Аксаков. За нами — тысячелетняя православная традиция. Мы забыли, что грамоту получили, как никто — мы ее получили от Кирилла и Мефодия на страницах Евангелия. Аз, Бог, Веди, Глаголь, Добро, Есть — первые наши буквы. Мы этого учились, это строило нашу письменность — от первого знака до последнего. Почему русская литература взяла на себя функции Церкви, когда пришел синодальный период? Петр

Позорный век, уходящий и ступай. Вспылный блеск твоих пожаров душен. Ты выкопал свой ад, сказав, что это рай И закопал невызревшие души. Жестокый век, прости меня, родной, Ты ни при чем. Мы это сами, сами. Свою виню, назвав твоей виной. Утративши свет под небесами. Училишь петь, а научились лгать. Училишь знать, но научились видеть. И все ж тебя нам будет не хватать! Привыкли мы любить и ненавидеть. Привыкли жить поспешно и вразбег. Забыли слушать песнь огня и снега Прости меня, мой старей добрый век. Мы из земли не сделали ковчега.

Действительно, ковчега в XX веке не получились, хотя делали мы для этого много, а русская культура делала больше всего. Сейчас, когда общество утратило силу, ее утратила и литература. Это, может быть, самое тревожное. И неизбежно воцарился постмодернизм, который, естественно, ставит текст на место Слова. Текст — на место небесного, Божественного, с большой буквы писанного Слова, которое было вначале. Писать сегодня умеют все, многие пишут красиво, и получают стилистически, чем их предшественники. Но за этой стилистической ничто не стоит. Текст, как бы ни был, прекрасен, не работает. А то, что сегодня блистательно пишет Юрий Буйда, он прекрасен, но работает. То, что блистательно мыслит Галковский Дмитрий, действительно, мыслитель замечательный, но жесткий, нигилистический, падающий — не за что ему ухватиться. То, как пишет Валерий Исхаков, Александр Пятигорский...

Все решают вопросы истории, но решают их на текстах, не умея ухватиться за жизнь. Что противопоставить мы? Появляется, слава Богу, новая проза, достаточно сильная и крепкая, и страдательная. Олег Павлов, Алексей Варламов — ребята, которые слышат и православную стихию, и неизбежность возвращения здорового русского реализма. Никакого не мажничского, никакого не социалистического, а здорового, старинного, классического русского реализма. Но им пока не хватает почвы, а она такая матушья — почва, в общем, не на сапогах носят. Она вместе с духом и телом общества рождается. Мы сейчас все читаем, — равно и патристические начитанные, и демократически начитанные — и не слышащие сердцем этого страдания и силы. Один, как платые носят модники, исповедует Кенона. Другой носит, допустим, от Хайзенга. Или от Шмелева, от Ильина. Но все это только платые, не существо духа. А собираться надо придется все-таки под знаменем Церкви, она одна может скрепить и удержать. В ней есть 1000-летняя плоть, она держит почву лучше всего.

Я вот только что вернулся из очередной поездки в Турцию, на самом деле в Византию. Проехал все семь городов Апокалипсиса. Был в Никее, в Константинополе, в Филадельфии, в Эфесе, в Милете. На родине величайших мыслителей, между прочим. Фалес, Анаксимен, Анаксимандр — это только из одного Милета. Бракрит, родившийся в соседнем Эфесе, Скопос и Проксис... Когда перед тобой несняханной красоты памятник всемирного мужества храмы Аполлона, Зевоса, Артемиды, Афин, ты думаешь: как же они пали, такие цар-

ственные, такие могущественные? С этими чудовищной, циклопической толщены стенами, перед которыми Пиранези кажется ребячеством, рисовальщиком? И пало все. Пало оттого, что двенадцать человек пришли и сказали правду. Двенадцать апостолов явились, и пала огромная держава, стоявшая могущественными императорами: Августом, Нероном, Марком Аврелием, Диоклетианом. Мучители вроде христианские, но все были могучими императорами, держателями высокой традиции. Пали, потому что дедня были рано или поздно предать перед простым человеком, у которого всегда страдало одинокое сердце. Его нельзя утопить, как бы ни были роскошны и империи размахисты твои сооружения. Рано или поздно страдающее сердце спросит, чем ты его утешил, что предложишь в ответ на его самое главное? Приход Христа отвечает ему на эти вопросы. И храмы эти падают один за другим, только царственные руины остаются, а в их тени — крошечные византийские храмы, в которых одна капитель колонны поместится великой Артемиды или великого Аполлона. Но они стоят, потому что в них есть эта почва, сила, традиция, небесная полнота.

Если бы мы не притворились христианами, если бы не разделяли Церковь и государство внутри одного человека! Мы-то сами, каждый из нас, в церковь ходим. Я вот с 1974 года пою в храме, уже тридцать лет. Ты же все-таки там один стоишь, ты в небесах стоишь и поешь, и читаешь "Апостол". Вышел — и мгновенно впелся в этот летучий сор суесть, человеческой политики, нисозит. Впелся и смотришь — ты уже изобретливо божень, суестьишься. В нас в каждом Церковь отделена от государства, к сожалению. Когда Церковь отделяется от государства наверху — она отделяется и внутри одного человека. Потому что как же иначе, если он живет в обществе? А уйти в монастырь все общество не может, оно должно держать державу. Так вот самое главное, может быть, самое важное, до чего мне хотелось бы дорваться, — это попытка соединить одно человеческое сердце в главном вопросе. Не бояться быть единым в вопрошании себя. Не страшиться самых главных вопросов, задаваемых человеческому сердцу: что ты сам делаешь для Отечества своего?

Вчера мне вдова Александра Романова припала из Вологды последнюю Сашину книжку. Там есть стихотворение "Россия уходит в нас". Так оно заканчивается, и эта строка вынесена в заглавие. Куда она уходит сегодня? Вот Россия пуста, все конечно, отпевает ее. И не только мы. В тридцатые годы в эмиграции уже пели "Вечную паству". Она уходит в нас, в наше сердце. И если бы мы в самом деле чувствовали, что это не отступление ее, что она уходит в нас, для собрания сия. Уходит для того, чтобы наше сердце в страдном напряжении почувствовало, что мы — держим, что Россия — это каждое человеческое сердце в своем единстве, страданиях, вопросе к обществу, вопросе к Церкви. И тогда в этом внутреннем стоянии мы были бы сильнее и могущественнее. И общество, наконец, составилось бы из внешне отдельных людей, но вместе стоящих перед Богом. Это и называется ведь соборностью. То, а не собрание военно-вооруженных людей, которые прихордят, строятся строем и идут. Из них каждый есть храм небесный, каждый в отдельности. Только, когда каждый есть храм, они вместе и есть соборность. А порознь, сколько ни собирай, если в душе храма нет, он соборностью не будет и силой ни для кого не явится.

Конечно, нам уже не повторить старых уроков, не сделать так, чем были до Петра Великого, до разделения церквей. Не вернуться в той христианской целостности. Мы живем в слишком широком мире. Сейчас, когда мы чаше стали ездить — ты вот с Афона вернулся, я из Византии, — ясно понимаешь, что нигде не дается от этого вошедшего в тебя со всех сторон мира. Мы входим в новое качество существования. И хочется войти-то в него не попоршайско, не шестероном в великопелной вошмерке, а с достоинством, с нравственным пониманием. Чтобы, не косясь и постораниваясь, смотрели на нас другие государства, а понимая, что Россия по-прежнему есть источник высочайшего духа. Может быть, расточенного, разоренного, избежавшего сегодня. Но при всей избежанности он, этот дух, держится в каждом русском сердце. Держится и дает надежду.

Этим, пожалуй, и живешь, и отвечаешь на вопрос о душевном, который ты задал вначале. Вот и думаешь: удержи в себе, сколько хватит сил. Постую в меру мужества своего, в меру того, как я это понимаю. И в меру сил передам детям, чтобы они удержали. Чтобы в достаточной чистоте сохраняли в себе Церковь и Россию. Посмотри, сколько в холодах людей появляется в монастырях, в храмах. Причащаются, что чувствуют, что все больше и больше. Ты чувствуешь, что постепенно растет, вооружается русское сердце в юношах. У них уже другие — чистые, прекрасные лица, другие глаза. Рядом с хаосом и торжествующим, ликующим кирко-роско-пугачевским растет и вот этот светозарный, чистый, ясный мир. Он пока мал, но всегда говорит: не бойся малого стада. Если в тебе есть правда, ты все-таки удержишься и устоишь.

Окончание следует

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована в Министерстве печати и информации РФ 5 ноября 1993 года
Регистрационный № 012154
Учредитель — А. А. ХУДОРОЖКОВ

По вопросам размещения рекламы в "Завтра" обращаться по тел.: (095)246-88-52

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13. Тел. редакции: 726-54-83.
E-mail: zavtra@zavtra.ru ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: http://zavtra.ru/
Служба распространения: 246-88-52 (тел./факс).
Газета отпечатана в ЗАО Краснoгoрская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 100 000

Главные
Александр